

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'37

В ПОИСКАХ ЕДИНОЙ МОДЕЛИ ЗНАЧЕНИЯ

© 2016 г.

*А.Е. Бочкарев*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Н. Новгород

abotchkarev@hse.ru

Поступила в редакцию 10.04.2015

Без обращения к знанию не обходится ни одно исследование значения. Семантике надлежит в этой связи ответить на вопрос, какими преимущественно знаниями руководствоваться в толковании – объективированными в общественной практике таксономическими знаниями или не всегда достоверными мнениями и представлениями. Общепринятого ответа здесь не найти, зато можно попытаться понять, как зависит от типа знания формат толкования, почему значение приводится в соответствие с таким, а не каким-то другим видом знания и можно ли вообще построить такую модель значения, в которой бы учитывались на принципах эпистемологического федерализма разные системы знания.

Ключевые слова: знание, значение, верификация, семантика, толкование.

Развитию современной науки свойственна весьма примечательная тенденция: чем разнообразнее знание об объекте, тем насущнее потребность концептуального его обобщения в тех или иных теориях интегративного характера. Наиболее очевидным образом эта тенденция проявляется в эпистемически ориентированных исследованиях, призванных установить, как соотносятся между собой разные методы и способы познания, как преломляются в контексте знания научные факты и как вообще совершается в науке прирост знания [1]. Эпистемологическим является, по сути, и вопрос, которым задается «изнутри» любая теория значения: как оперируют знаниями в семантической интерпретации? какие знания интегрируются преимущественно в значении? как взаимодействуют в составе значения разные виды знания?

Остановимся последовательно на наиболее показательных случаях.

1. *Значение в терминах специально-научного знания.* В таксономической обработке анализ значения смыкается необходимым образом со специально-научным знанием: от знания заключают к значению, значение проверяют в обратном порядке на соответствие знанию.

За отсутствием объективированных в общественной практике знаний нельзя действительно утверждать, какая предикация истинна, а какая ложна. Чтобы верифицировать, например, суждение вида *Сладкий арбуз*, требуется сначала установить, существует ли какой-то объект по

имени *арбуз*, какому системному классу принадлежит данный объект, по каким свойствам определяются все входящие в этот класс объекты, а затем только судить, насколько адекватным является выбор присоединенного предиката. Суждение признают истинным, если отношение субъекта к предикату основывается на объективно достоверных сведениях; ложным, если отношение субъекта к предикату противоречит отраженным в таксономии знаниям; неопределенным, когда неясно, соответствует ли присоединенный предикат субъекту суждения.

Даже исключив замечания в отношении квантификации, нельзя не признать, что основная сложность, с которой сталкивается анализ по необходимым и достаточным условиям, это даже не размытость таксономической предикации, а вопрос, насколько предизируемые в частном суждении свойства совпадают с такой предикацией. Ибо принадлежность естественному классу – еще не ручательство, что какой-нибудь индивидуальный объект обладает непременно всеми свойствами, по которым определяют представителей данного класса. Из бытийного предложения *Это арбуз* нельзя, во всяком случае, заключить, что какой-то данный нам в ощущениях *арбуз* обладает всеми необходимыми и достаточными свойствами, по которым характеризуют обычно плод однолетнего растения семейства тыквенных: например /шарообразный/, /со сладкой на вкус мякотью/, /с твердой кожурой/ и т. п.

Особую трудность вызывают, кроме того, и такие суждения, в которых предиктируемые в контексте свойства уклоняются или, хуже того, противоречат объективному видению вещей и тем самым как бы подрывают онтологические основы мира. Ибо если за необходимые и достаточные условия предикации принимать только абсолютно достоверные знания, объективированные в общественной практике в виде понятий и категорий, аномальным тогда придется считать всё, что находится за пределами объективно-достоверного знания.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- В онтологическом подходе лингвистическая семантика попадает в зависимость от специально-научного знания, а семантический анализ низводится до проверки, соответствуют ли выделяемые компоненты значения действительному положению вещей в той или иной области знания.

- В таксономической обработке суждения проверяют на соответствие сущностным свойствам вещей, а эти свойства задают как необходимые и достаточные условия, которым должно удовлетворять, чтобы гарантировать правильное обозначение, всякое употребление обозначающих эти вещи выражений.

- Затруднения вызывают главным образом такие случаи:

- субъект суждения не имеет соответствия в реальном мире;

- отношение субъекта к предикату противоречит отраженным в таксономии знаниям;

- за отсутствием подтвержденных таксономических знаний неясно, насколько присоединенный предикат соответствует и соответствует ли вообще субъекту суждения;

- ввиду диффузности таксономической предикации (прежде всего в бытийных предложениях) неясно, по каким признакам надлежит определять субъект суждения.

- Ограничившись таксономическим знанием, приходится отказаться от обиходных представлений об обозначаемых словами вещах.

2. *Знание в терминах схем повседневного опыта.* Вместе с отказом от объективизма меняется кардинальным образом и содержание востребованного в толковании знания, а вместе с ним и производное на его основе значение. Ограничившись таксономическим знанием, можно, конечно, понять, что представляют собой вещи в специально-научном смысле, но не какие с ними связываются представления. В языке, во всяком случае, немало выражений, к которым неприменим анализ в терминах условий истинности. И дело здесь даже не в безде-

нотатных именах вроде *леших* или *русалок*, а в том, что говорящие оперируют в речевой деятельности как научно-объективными знаниями, так и не всегда достоверными мнениями, верованиями и убеждениями. Поэтому не случайно когнитивная семантика избирает в качестве базовой модели понимания систему главным образом обыденного знания с когнитивными аналогами в виде типичных примеров, идеалов и образцов, прототипов, сценарных типов и фреймов. Такие модели представления знаний позволяют уточнить, что собой представляют в контексте употребления фоновые знания и, главное, как оперируют этими знаниями в толковании.

2.1. *Типичные примеры, идеалы и образцы.* Охарактеризовать какой угодно объект можно двояким образом: либо путем перечисления наиболее примечательных его свойств, либо путем сравнения с образцовым представителем класса, которому принадлежит по определению данный объект. Так, воспользуемся примером Н. Д. Арутюновой, на вопрос *Какие девушки тебе нравятся*, можно ответить: 1) *Высокие блондинки* или 2) *Такие, как Вера* [2, с. 302]. В первом случае значение задается по эксплицированным в контексте свойствам, которыми обладают по определению девушки, которые нравятся, во втором – по сравнению с индивидуальным образцом, обладающим этими свойствами в наивысшей степени. При этом по сравнению с абстрагирующим набором свойств образ индивида (образец) является, безусловно, диффузным, поскольку осуществляемый местоименным прилагательным «такие» признаковый дейксис, пусть и превращает образ в образец, требует все-таки экспликации, какими именно свойствами привлекает нас Вера – внешностью, скромностью, добротой, застенчивостью или чем-то другим. Но какой бы размытой ни была признаковая характеристика, образ индивида обладает по сравнению с абстрагирующим набором свойств большей иллюкативной силой. За счет главным образом осязаемой наглядности индивидуального образца.

Установить признак, по которому некоторый объект *a* приводится в соответствие с некоторым объектом *b*, значительно проще, когда привлекаемый для сравнения образец является если и не общепризнанным, то хотя бы известным участникам коммуникации. Так, когда героиня Чехова говорит: *Мой муж – Отелло*, она не хочет тем самым сказать, что замужем за персонажем трагедии Шекспира, а разве только сообщает, замечают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [3, с. 503], о каком-то хорошо известном собеседникам свойстве. Таким свойством является, надо полагать, не цвет кожи, не текущая в

жилах мавританская кровь, а доходящая до безумия ревность.

Так приходим к следующим установлениям.

- Обращение к образцу подходит как нельзя лучше для окказиональной типизации объекта.

- К идеалам, типичным примерам и образцам прибегают, когда квалификация какого-то объекта не довольствуется именованим наиболее примечательных его свойств, а требует для пущей наглядности обращения к другому объекту, обладающему этими свойствами в наивысшей степени.

- В переходах от меньшей интенсивности к большей интенсивности совершается амплификация.

- Свойство, по которому устанавливаются отношения подобия, может быть эксплицировано или нет.

- Выбор образца, равно как и выводимое в фокус наиболее примечательное его свойство, может варьировать в зависимости от прагматической ситуации, интенции, коммуникативного задания, системы ценностей, типа культуры и т. д.

- По избираемому в качестве эталона образцу можно судить, как моделируется в релевантном для человека контексте жизни оценка обозначаемых словами вещей.

2.2. *Значение в терминах прототипического эффекта.* Определить значение языкового выражения, прежде всего имени, можно и путем соотнесения с прототипом – образцовым представителем категории [4–6], особенно когда анализируемое выражение представлено в высказывании предельно общим понятием, как «животное», «птица» или «растение». Например, чтобы установить значение *птица*, требуется подобрать методом проб и ошибок такой образцовый объект, который удовлетворял бы в наивысшей степени общезначимым прототипическим свойствам, по которым определяют обычно представителей класса пернатых.

В качестве возможного решения возьмем такую градацию:

- 1) *Воробей есть птица* (истинно).
- 2) *Курица есть птица* (менее истинно, чем 1).
- 3) *Летучая мышь есть птица* (ложно).
- 4) *Корова есть птица* (абсолютно ложно).

Чтобы установить, какой из указанных объектов подходит наилучшим образом на роль образцового представителя категории, необходимо сначала раскрыть содержание предиката *быть птицей*, а затем лишь решать, насколько *воробей*, *курица*, *летучая мышь* и *корова* соответствуют общезначимым свойствам птицы. Ибо если *x* принадлежит классу «птицы», *x* должен тогда обладать всеми или почти всеми свойствами, по которым определяют в таксоно-

мической обработке представителей класса пернатых: например, /имеет крылья/, /оперение/, /клюв/, /умеет летать/, /вьет гнезда/, /откладывает яйца/, /высиживает птенцов/ и т. п.

Умозаключение строится в таком случае по правилам силлогизма:

Все (или почти все) птицы имеют оперение (умеют летать и т. п.);

X имеет оперение (умеет летать и т. п.);

Значит x – птица.

Соответствие по какому-то прототипическому свойству – еще не ручательство за истинность заключения. Так, *летучая мышь*, пусть и имеет крылья, не принадлежит категории «птицы», а *курица*, пусть и не умеет летать, относится к этой категории наравне с *воробьем*. Поэтому в выборе прототипа чаша весов склоняется, как правило, в пользу такого представителя категории, который обладает категориальными свойствами в наивысшей степени. Оттого-то идеальным образцом в указанном ряду признается прежде всего *воробей*, менее удачным – *курица*, проблемным – *летучая мышь*, а вовсе непригодным – *корова*. Иначе говоря, образцовость объекта определяется по тому, насколько полно он соответствует релевантным для данной категории таксономическим свойствам. Функция принадлежности категории становится в таком случае функцией других функций принадлежности, а вместе взятые, они образуют, пока не исчерпается набор потенциально допустимых возможностей, *n*-е количество критериев, по которым оценивается образцовость элемента внутри изучаемой категории.

Но какой бы привлекательной ни казалась установка на образец, нельзя не признать, что соответствие образцу никогда не является полным и что даже за отсутствием каких-то особо значимых прототипических свойств «маргинальные» члены категории вроде *курицы*, *страуса* или *пингвина* остаются тем не менее членами категории. Поэтому, не случайно, теория прототипов переориентируется в дальнейшем с образцового объекта на исчисляемый по аналогии с семейным сходством прототипический эффект. Ибо, полагают, какой бы ни была категория, все входящие сюда объекты сходны между собой, как и ближайшие родственники, в том или ином отношении [7]. Рассуждение строится, по сути, таким образом. Пусть *курица* и не летает, зато имеет, как и все прочие представители класса пернатых, клюв и оперение. Иначе говоря, чтобы понять, относится ли тот или иной объект к данной категории и какое ему отводится здесь место, требуется соизмерить по значимости сигнала (*cue validity*) приписываемые ему свойства: чем значительнее

Таблица

ОДЕЖДА	лучше праздничная
ПОДАРОК	должен понравиться хозяину, должен быть куплен и красиво упакован
ИГРЫ	прятки, жмурки
УКРАШЕНИЯ	воздушные шары, ленты, цветная бумага
ПРАЗДНИЧНАЯ ЕДА	торт, мороженое, газированная вода, бургеры с сосисками
ТОРТ	свечи, задувание, пожелания, пение, песни о дне рождения
МОРОЖЕНОЕ	стандартное ассорти (из трех цветов)

прототипический эффект, тем больше значимость сигнала и тем больше, следовательно, степень репрезентативности данного объекта внутри категории.

Так приходим к принципиальным установлениям.

- В стандартной версии категориальное отношение к общим свойствам задается по отношению к прототипическому образцу, в расширенной версии – по исчисляемому в скалярной оценке прототипическому эффекту.

- Степень репрезентативности элемента категории находится в прямой зависимости от связанного с ним прототипического эффекта: чем больше прототипический эффект, тем значительнее репрезентативность элемента внутри изучаемой категории.

- Прототипические эффекты обуславливают в целом «культурными ожиданиями».

- Ограничиваясь категоризацией идентифицирующей лексики, прототипические исследования не выходят обычно за пределы слова.

2.3. *Значение как фрейм.* Обратившись к межличностному взаимодействию, нельзя не заметить, что восприятие всякой новой социально значимой ситуации совершается путем соотнесения со знакомой ситуацией, а точнее, каким-то хранимым в памяти конвенциональным ситуативным типом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации. Такие программы выходят, безусловно, за рамки семантической компетенции, но не учитывать их в интерпретации языковых произведений семантика не вправе хотя бы в силу предначертанного ей назначения: изучать «жизнь знаков в рамках жизни общества» [8, с. 54].

Фреймовая семантика обращает такие программы во фреймы, или сценарные типы. В широком смысле это форма, а в сугубо специальном – процедурное знание, «знание как»: как распознать ту или иную ситуацию и как вести себя в данной ситуации. Простейшей моделью такого типа является сценарий стереотипных

ситуаций, связанных причинно-временными отношениями. Например, сценарий посещения ресторана состоит из сцен, описывающих в терминах действий и состояний приход, заказ, еду, оплату и уход; сценарий покупок в супермаркете – взятие корзинки (или тележки), выбор товара и оплату в кассе; сценарий празднования дня рождения – праздничные приготовления, приобретение подарка, поздравления и т. п. Причем установить, как следует вести себя в той или иной ситуации, можно только при знании отводимой участникам роли и функции: посетителя и официанта в ресторане, покупателя и продавца в магазине, гостей и виновника торжества за праздничным столом. Поэтому И. Гофман предлагает изучать фреймы не только по типу ситуации, но еще и по сценарному амплуа вовлеченных в ситуацию действующих лиц. Ибо мало установить параметры ситуации, надо еще и показать, какая здесь отводится участникам роль или, поясняет И. Гофман, какой является субъективная их «вовлеченность» (involvement) в ситуацию [9, с. 435].

Разумеется, человек не всегда отдает себе отчет, почему он ведет себя в той или иной ситуации так, а не иначе; но это не мешает ему пользоваться фреймами, вести себя надлежащим образом на проезжей части, в магазине, во время празднования дня рождения. По убеждению И. Гофмана, социальные фреймы обеспечивают «фоновое понимание событий» [9, с. 82]; с их помощью мы воспринимаем окружающий нас мир, понимаем, что происходит в той или иной конвенциональной ситуации и как следует вести себя в данной ситуации.

В структурно-содержательном отношении фрейм состоит из образующих его элементов – субфреймов, или терминалов, к которым присоединяются, пока не исчерпается содержание интерпретируемой ситуации, другие фреймы и субфреймы (терминалы). Так, в изложении Ю. Чарняка [10] фрейм празднования дня рож-

Y должен купить P для X
 X должен нравиться P
 Купить P
 Достать деньги для покупки P
 Y должен одеться празднично

Выбрать P
 Понравится ли X -у P ?
 Где купить P ?
 Где достать деньги?
 Что должен надеть Y ?

дения принимает в американской культуре вид, отраженный в таблице.

Не исключается, впрочем, и иная форма записи того же фрейма по субъективной «вовлеченности» в ситуацию празднования дня рождения некоторого приглашенного гостя Y:

Разумеется, фреймы различаются по строению и степени сложности. Некоторые из них образуют, как правила дорожного движения, строго структурированную систему ограничений; другие, их большинство, не имеют четко выраженной формы, а обеспечивают разве только общее понимание ситуации. Но неизменным остается вместе с тем структурирующий принцип. Любой вид человеческой деятельности, будь то дорожное движение, посещение ресторана, покупки в магазине или празднование дня рождения, «фреймируется» общезначимыми правилами и установлениями. Эти типовые нормы и образуют базовые схемы восприятия, руководствуясь которыми мы осознаем, как располагаются и в какой последовательности сочетаются между собой сцены, действия и события, что в ресторане, например, сначала заказывают еду, едят, а затем только расплачиваются, что в сложившейся последовательности блюд жаркое предшествует десерту и т. п.

В интерпретации без таких знаний не обойтись. «Фрейм активируется, – поясняет Ч. Филлмор, – когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста» [11, с. 65]. Например, понять высказывание *Мы ни в коем случае не откроем наши подарки до утра* можно лишь при условии, если нам известен фрейм Рождества, что на Рождество дарят подарки и что подарки открывают обычно утром. По убеждению Филлмора, знание фреймов необходимо для понимания даже отдельно взятых слов. Обратившись к лексическому составу языка, Филлмор, в частности, замечает, что на основе существующих между вещами связей и отношений обозначающие их слова объединяются в языке в более или менее устойчивые группы, что эти группы отражают «единую схематизацию опыта» и что изучать их целесообразнее как единое целое в терминах отношений между словами. Например, значение англ. Thursday «четверг» можно установить только в отношении к Monday «понедельник», Tuesday «вторник», Wednesday «среда», Friday «пятница», Saturday «суббота», Sunday «воскресенье» в рамках заданного движением солнца календарного цикла из семи дней. Аналогичным образом англ. father «отец» нельзя рассматривать от-

дельно от mother «мать», son «сын», daughter «дочь» и sister «сестра»; англ. buy «покупать» – отдельно от sell «продавать», pay «платить», spend «тратить» и cost «стоить»; англ. day «день» – отдельно от night «ночь», noon «полдень», midnight «полночь», morning «утро», afternoon «время после полудня», evening «вечер» и т. п. Во всех случаях, заключает Ч. Филлмор, «мы можем знать значения отдельных слов только при предварительном сознании фактического основания отношения, которое они определяют» [11, с. 55].

Так подтверждаются предъявляемые к фрейму требования.

- Фрейм задает необходимый формат для представления знаний о типовых ситуациях, в терминах которых осмысливаются эти ситуации.

- Концептуальным фоном фрейма служат базисные системы знания.

- Фрейм образуется на основе единой схематизации опыта.

- В языковом выражении фрейм задается в терминах отношений между словами.

- Всякая входящая в языковой фрейм единица активирует в сознании весь фрейм.

3. Знания в терминах социальных конвенций.

По известной мысли Э. Косериу, язык подлежит изучению и как функциональная система в виде значимых различий и противопоставлений самого языка, и как общественное установление в виде связанных с ним институциональных аспектов: «в языке совпадают системное, культурное, социальное и историческое» [12, с. 173–175, 178, 180].

Систему языка нельзя действительно изолировать от прочих систем кодирования. На смысл языкового произведения влияют и разного рода социальные конвенции вплоть до включения сюда «предрассудков» (préjugés), верований, мнений и убеждений – «подразумеваемого» семьи, рода, нации, класса, социальной группы и т. д. [13, с. 65–69; ср. 14: 42–43]. Причем особо важно здесь даже не установить, насколько достоверны и достоверны ли вообще эти представления в смысле объективном, а уяснить, как задается в фокусе таких представлений исследуемое языковое значение.

3.1. *Социальные нормы.* Социальные нормы совпадают отчасти с мнением большинства (doxa) в определении Платона, с тем, «что кажется правильным всем или большинству людей», в определении Аристотеля, с доктринальной верой в определении Канта. Сходным здесь является, безусловно, то, что за достаточное и чуть ли не объективное основание всякого суждения берется мнение большинства, что мнение большинства принимается на веру как нечто

достоверное, как безусловная достоверность того, что большинство полагает истинным или хотя бы не требующим доказательств независимо от реального положения дел.

Действительно, наряду с функциональной системой языка в толковании языковых произведений учитывать приходится и прочие «институциональные аспекты» (Э. Косериу) как дополнительные «системные инстанции» (Ф. Растье). И не только потому, что всякая коммуникативная ситуация моделируется в соответствии с каким-то типовым сценарием, но еще и потому, что специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает язык для обозначения отношений внутри ситуации, приводится в соответствие с общезначимой конвенцией, как вести себя и что говорить в подобной ситуации. За отсутствием таких систематик можно знать, например, что значит в английском языке *out*, но не понять, высказывания что означает его употребление во время игры в крокет, чем отличаются внешне сходные словоупотребления в высказывании судьи и наблюдающих за игрой зрителей. Только зная правила игры, заключает П. Стросон, можно утверждать, что у судьи *Out!* означает удаление отбивающего игрока с поля, а в репликах возмущенных зрителей – осуждение за плохую или недостойную игру [15, с. 134]. Так социальные конвенции «подправляют», можно сказать, закрепленное в языке системное значение в отношении социально регламентированной ситуации.

Принципиальными становятся в итоге такие установления.

- Социальные нормы суть дополнительные системы кодирования.

- Знанию системы языка соответствует семантическая компетенция, знанию инкорпорированных в произведении социальных норм – прагматическая компетенция.

- Социальные нормы «подправляют» закрепленное в языке системное значение в пределах заданной предметной (концептуальной) области.

- При участии сразу нескольких видов нормирования в идеальной модели интерпретации учитывать по возможности следует все или почти все системы нормирования, а в «сокращенной» интерпретации – такие и только такие, которые совпадают с базисными установками интерпретатора.

- Нормативным суждениям нельзя придать истинностное значение, их можно только проверить на соответствие какой-то возведенной в абсолют нормативной системе в пределах «допустимо» – «недопустимо», «уместно» – «неуместно», «можно» – «нельзя».

3.2. *Социальные стереотипы.* С социальными нормами совпадают отчасти и так называемые социальные стереотипы. В определении Х. Патнэма это убеждения и верования (*beliefs*), с которыми связываются в сознании говорящих основные «культурные ожидания» [16, с. 34, 40–41]. В стереотипном представлении тигр, например, имеет полосы, золото – драгоценный металл желтого цвета, король правит страной, колдунья наводит порчу, общается с нечистой силой и т. п. По сути, это значения по умолчанию (*default values*), которые фигурируют за исключением особо оговоренных случаев в любом нормативном словоупотреблении. Отклонение от типичного случая в определениях вида «белое золото», «король без подданных» или «добрая колдунья» только подтверждает общее правило. Значение задается по востребованному в употреблении стереотипным представлениям: король – по неограниченной власти над подданными, колдунья – по крючковатому носу, заговорам, приворотному зелью и пагубной магической силе, золото – по маслянистому блеску, материальной ценности, власти над людьми и т. п.

Систему языка нельзя действительно изолировать от системы общих мнений. Поскольку всякое суждение об окружающих нас в мире вещах отражает не сами по себе вещи, а сложившиеся о них представления, значение слова включает наряду с общезначимыми таксономическими признаками и то, что лежит за пределами объективного знания. Установка на сложившиеся в культуре стереотипы становится очевидной при сравнении разноязычных слов с общим референтным значением. Действительно, даже согласившись, что любое выражение одного языка можно перевести на другой язык, нельзя не задаться вопросом, насколько тождественны, например, англ. *bachelor* и рус. холостяк. В системе существующих представлений эти выражения совпадают, безусловно, по некоторым общезначимым признакам типа /человек/, /мужского пола/, /достигший брачного возраста/, /не связанный брачными узами/, но отличаются вместе с тем по специфически национальным различиям. Так, по наблюдениям Дж. Лакоффа, наряду с указанными свойствами в американской картине мира холостяка обычно характеризуют как неженатого мужчину, всемерно заботящегося о своей внешности, стремящегося покорить как можно больше женских сердец и постоянно околачивающегося в барах для знакомств в поисках случайных связей [17, с. 101–103, 121–122, 179–180, 190, 267–268]. Поэтому в высказывании вида *John is a regular bachelor* актуализации главным образом подлежат социально нормированные афферентные

признаки /красавец/, /гуляка, /беспорядочные половые связи/. Напротив, по результатам опроса русскоязычных информантов холостяк характеризуется в русской языковой картине мира по признакам /одинокый/, /неопрятный/, /невзрачный/, /неуживчивый/, /ущербный/. Без таких социокультурных данных в толковании не обойтись; и семантике надлежит в этой связи показать, как социальная практика влияет посредством социальных конвенций на исследуемое языковое значение.

Установка на социальные стереотипы позволяет построить модель значения на таких принципиальных для лексической семантики положениях.

- Не исчерпываясь таксономическим знанием, значение обозначаемых словами реалий задается еще и относительно ассоциируемых с ними представлений.

- Стереотипные представления не требуют проверки на соответствие действительному положению вещей, а принимаются на веру как нечто достоверное, во что верит или с чем соглашается большинство говорящих.

- Социальные стереотипы суть значения по умолчанию, позволяющие прогнозировать, какие свойства надлежит предсказать в диапазоне допустимого варьирования субъекту суждения – законченному холостяку, образцовой матери, типичному политику, среднестатистическому русскому, японцу, немцу или американцу.

- В контексте мнения гарантом адекватности суждения может быть только мнение.

- Значение конвенционально, поскольку не имеет иных ограничений, кроме сложившихся в культуре конвенциональных представлений.

- Значение интеракционально, поскольку складывается во взаимодействии человека со средой обитания, социальным и физическим окружением.

- Значение холистично, поскольку задается не каким-то одним, а всей совокупностью ассоциируемых со словом представлений.

- Установить, насколько востребованы в толковании те или иные представления, можно только по условиям употребления.

Вместо заключения.

Без обращения к знанию не обходится ни одно исследование значения. Какой бы ни была система представлений, очевидно одно: в условиях переменного знания содержание исследуемого семантикой значения может быть только многозначным, равным образом включать как объективированные в общественной практике специально-научные знания, так и не всегда достоверные обиходные верования, мнения и убеждения. С такой многозначностью смыка-

ется, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на исторически подвижный, динамический характер значения-знания, на производные в общественной практике переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями.

Список литературы

1. Ору С. История. Эпистемология. Язык / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 2000. 408 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
4. Rosch E. Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1973. № 4. P. 328–350.
5. Rosch E. et al. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–436.
6. Kleiber G. La sémantique du prototype. *Catégories et sens lexical*. Paris: P.U.F., 1990 (réédition 2004). 199 p.
7. Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization* / E. Rosch and B. Lloyd eds. Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978. P. 27–48.
8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. А.А. Холодовичем. М., 1977. С. 7–285.
9. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
10. Чарняк Ю. Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В.А. Звегинцева; пер. с англ., под ред. и с предисл. Б.Ю. Городецкого. М., 1983. С. 171–207.
11. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. М., 1988. С. 52–92.
12. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III / Сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. М., 1963. С. 143–343.
13. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / Вступ. ст. Н.Л. Васильева; сост., прим., библиограф. указ. Д.А. Юнова. СПб.: Астапресс Ltd, 1995. 338 с.
14. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с франц., прим., предметно-именной указатель А.Е. Бочкарева. Н. Новгород: Деком, 2001. 368 с.
15. Стросон П. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 130–150.
16. Putnam H. *Représentation et réalité*. Paris: Gallimard, 1990. 226 p.
17. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

TO THE UNIFIED MODEL OF MEANING

A.E. Bochkarev

No study of meaning is possible without recourse to knowledge. In this context, semantics should first of all define what particular type of knowledge should be used in interpretation – a taxonomic knowledge objectified in public practice or alternatively opinions and views, which are not always reliable. Obviously, we would not be able to find a generally accepted answer. However, we can try to understand how the format of interpretation is dependent on the type of knowledge. We can also try to understand why the meaning is given in compliance with a specific kind of knowledge and whether it is possible to construct a meaning model taking into account – under the principles of epistemological federalism – different systems of knowledge.

Keywords: knowledge, meaning, verification, semantics, interpretation.

References

1. Oru S. Istoriya. Ehpistemologiya. Yazyk / Obshch. red., vstup. st. i komment. N. Yu. Bokadorovoj. M.: Progress, 2000. 408 s.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 s.
3. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 576 s.
4. Rosch E. Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1973. № 4. P. 328–350.
5. Rosch E. et al. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–436.
6. Kleiber G. La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical. Paris: P.U.F., 1990 (réédition 2004). 199 p.
7. Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization* / E. Rosch and B. Lloyd eds. Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978. P. 27–48.
8. Sossyur F. Kurs obshchej lingvistiki // *Trudy po yazykoznaniju* / Per. s fr. A.M. Suhotina, pererab. A.A. Holodovichem. M., 1977. S. 7–285.
9. Gofman I. Analiz frejmov: ehssse ob organizacii povsednevnogo opyta / Per. s angl. pod red. G.S. Batygina i L.A. Kozlovoj; vstup. st. G.S. Batygina. M.: In-t sociologii RAN, 2003. 752 s.
10. Charnyak Yu. Umozaklyucheniya i znaniya // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XII. Prikladnaya lingvistika / Sost. V.A. Zveginceva; per. s angl., pod red. i s predisl. B.Yu. Gorodeckogo. M., 1983. S. 171–207.
11. Fillmor Ch.Dzh. Frejmy i semantika ponimaniya // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka / Sost., red. i vstup. st. V.V. Petrova i V.I. Gerasimova. M., 1988. S. 52–92.
12. Koseriu Eh. Sinhroniya, diahroniya i istoriya // *Novoe v lingvistike*. Vyp. III / Sost., red. i vstup. st. V.A. Zveginceva. M., 1963. S. 143–343.
13. Voloshinov V. N. Filosofiya i sociologiya gumanitarnykh nauk / Vstup. st. N.L. Vasil'eva; sost., prim., bibl. ukaz. D.A. Yunova. SPb.: Asta-press Ltd, 1995. 338 s.
14. Rast'e F. Interpretiruyushchaya semantika / Per. s franc., prim., predmetno-imennoj ukazatel' A.E. Bochkareva. N. Novgorod: Dekom, 2001. 368 s.
15. Strosen P. Namerenie i konvenciya v rechevyh aktah // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XVII. Teoriya rechevyh aktov / Sost. i vstup. stat'i I.M. Kobozevoj i V.Z. Dem'yankova. M.: Progress, 1986. S. 130–150.
16. Putnam H. Représentation et réalité. Paris: Galilimard, 1990. 226 p.
17. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii / Per. s angl. I. B. Shatunovskogo. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 792 s.